

**БЫТ, ПРАВЫ, ПОВЕДЕНИЕ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1919-1922 ГГ.)
LIFE, MANNERS, BEHAVIOR DURING THE REVOLUTION
AND THE RUSSIAN CIVIL WAR (1919-1922).**

Бригадина Ольга Васильевна,
Минск, Беларусь

Ключевые слова: революция, Гражданская война, военный коммунизм, пролетариат, голод, нормированное распределение.

Резюме: В статье исследованы основные черты повседневной жизни российского населения в условиях революции и Гражданской войны. Акцент сделан на особенностях бытовой повседневности, массовых настроений и стратегий поведения людей в экстремальных условиях. Анализируются причины роста аномальных явлений и протестных настроений, деятельность советско-большевистской власти по укреплению своих позиций.

Keywords: revolution, civil war, military communism, the proletariat, hunger, rationing.

Summary: The author examines the main features of everyday life of the Russian population in the conditions of revolution and civil war. The emphasis is made on the everyday household characteristics, mass attitudes, behavior, and people strategies in extreme conditions. The author studies the reasons of the growth of abnormal phenomena and dissent, the activities of the Soviet-Bolshevik authorities to strengthen their positions.

Новая модель повседневной жизни складывалась постепенно, во многом стихийно и противоречиво, под давлением чрезвычайных обстоятельств. Историк И.В. Нарский сравнил жизнь российского населения в годы революции и Гражданской войны с «жизнью в катастрофе». Он отметил постепенное привыкание жителей городов и деревень к бедности, указал на их своеобразные «техники борьбы за выживание», которые зависели от степени лояльности к советской власти [1, с. 560-561]. Хронический продовольственный кризис вынудил власти ввести нормированное снабжение населения продовольствием и товарами первой необходимости. В июне 1918 г. в Петрограде, с 1 сентября – в Москве вместо общегражданского распределения был введен т.н. «классовый паек». В 1920 г. по нормированному снабжению обеспечивалось 24 млн. человек. В зависимости от сферы деятельности городские жители были поделены на четыре категории, от принадлежности к которой зависели объем и порядок снабжения. В первую категорию входили рабочие, занятые в особо тяжелых условиях, кормящие матери и беременные женщины; во – вторую все остальные рабочие, семьи из 4 человек и более, дети от 3 до 14 лет, инвалиды 1-ой группы; в третью – служащие, учащиеся, молодежь 14-17 лет, безработные, пенсионеры, инвалиды; в четвертую – лица, использующие наемный труд, лица свободных профессий, «бывшие». Была установлена очередность отоваривания карточек, в результате четвер-

тая категория населения часто обеспечивалась «в пределах возможного». Постепенно в первую категорию была причислена партноменклатура, командный состав армии и флота, военно-охранные структуры. Стали появляться первые «лечебные столы», литерные столовые, спецбуфеты и спецраспределители для руководящих работников центрального партийного и советского аппарата. В реальной жизни существовало до 20 разнообразных пайков: усиленные, ударные, бронированные и т.д.; 33 вида карточек: хлебные, молочные, хлопчатобумажные, обувные и т.п. Нормы менялись, но постоянно были очень низкими. В мае 1919 г. в Петрограде по первой, высшей категории выдавалось полфунта (200 г), а по третьей – 1/8 фунта (50 г) хлеба в день [2, с. 321]. По пайку первой категории в месяц на человека полагалось 4 фунта мяса или рыбы; по полфунта жиров и сахара; 20 фунтов овощей, 1 фунт соли; четверть фунта мыла. На руки выдавалось два коробка спичек и четверть фунта чая. Порой хлеб заменяли яблоками, а рыбу селедкой [3, с. 428]. Профессор Императорской Академии художеств Ю.П. Анненков, причисленный к четвертой категории отмечал, что для приобретения необходимых пайков нужна была определенная тактика, называл это «пайколовством» и отмечал, что «многие, впрочем, не жаловались. Я получал общий гражданский, т.н. голодный паек. Затем «ученый» паек в качестве профессора АХ. Кроме того, я получал «милицейский» паек за то, что организовал культурно-просветительскую студию для милиционеров... Я получал еще «усиленный» паек Балтфлота за дружбу с моряками и, наконец, самый щедрый паек «матери, кормящей грудью», за то, что в Родильном доме «Капли молока» имени Р. Люксембург читал лекции по истории скульптуры» [4, с. 120]. Но совершенно иное восприятие голодной жизни в Петрограде у жены Б.Д. Бруцкуса – известного экономиста, высланного из советской России в 1922 г. В своем «Дневнике матери-хозяйки» Э.О. Бруцкус в июле 1918 г. записала: «Полное отсутствие хлеба – это какой-то кошмар... Всюду по улицам стоят лица интеллигентных профессий или прежние буржуи и продают вещи, жена известного хирурга продает пикейные одеяла, рядом жена академика – золотую цепочку». Октябрь 1918 г.: «По карточкам выдают по 2-3 фунта воблы... Это основа и деликатес нашего нищенского стола. В общественную столовую ходим по очереди. Очередь у нас устроена и на так называемое «скобление кастрюли после каши». [4, с. 88-89].

Голод вынуждал людей приобретать товары на рынках. На главном московском рынке Сухаревке, где все можно было купить и продать, летом 1919 г. фунт черного хлеба стоил до 50 руб., сахара – до 250, масла – до 450 руб., т.е. полмесячной зарплаты квалифицированного рабочего [3, с. 428]. С 1920 г. Наркомат финансов взял курс на неограниченный выпуск дензнаков. По сравнению с дооктябрьским периодом спекулятивные цены взлетели в 1000-10000 раз в зависимости от региона и вида продукта. Хлеб подорожал в 600-900 раз (вместо 3 коп. за фунт – 18-27 рублей). Эмиссия вызвала огромную инфляцию и обесценивание советских денег, процветание нелегального валютного рынка. За время революции и Гражданской войны в обращении

находились дензнаки самого разного образца: николаевские, керенки, советские, украинские, марки, кроны, «колокольчики», билеты региональных правительств [5, с. 243]. Расстройство денежного обращения было напрямую связано с хозяйственной разрухой. Полный хаос творился на транспорте. Вагоны и составы пришли в негодность, многие железнодорожные пути были разобраны. Практически не работала почта и связь. Улицы городов часто не освещались, плохо убирались. В домах не работал водопровод и канализация, не хватало топлива для минимального обогрева помещений. Изменился внешний облик населения. Дорогую, добротную, красивую одежду носить не решались, а часто и не могли. «Барский» вид мог спровоцировать резкие проявления классовой ненависти, к тому же многие предметы роскоши (в том числе и одежду) у «бывших» конфисковывали. Символом революционной моды стали кожанки, их часто носили представители новой власти. Характерная черта жизни городов первых послереволюционных лет – демократизация уклада обыденной жизни. Это выразилось в изменении стереотипов поведения человека на улице. О беспределе в городах свидетельствовали заголовки газетных статей за 1917 год: «Разгром винных складов» («День», № 217); «Хроника ограблений» («Московский листок», № 268), «Вторая ночь пьяной оргии», «За революционный порядок», «Самосуд», «Беспощадная борьба с саботажниками» (все – «Новая жизнь», № 194), «Пьяные погромы», № 3) и т.д. [6, с. 325-327].

В годы революции и Гражданской войны серьезным изменениям подверглось жилье – «пространство, где чаще всего реализуются практики повседневности» [7, с. 146]. Первоначально предлагалось массовое строительство домов-коммун. Однако чуть позже началось «уплотнение» – жителей казарм стали переселять в «барские» квартиры. Бывшим собственникам жилья оставляли по одной комнате на каждого взрослого члена семьи и дополнительно еще одну для детей [7, с. 147]. В августе 1918 г. был принят Декрет СНК «Об отмене частной собственности на недвижимое имущество». Появились домкомы и другие организации, которые обязаны были быть «глазами и ушами» режима на вверенных им объектах. Фактически с этого времени началось разрушение и разграбление жилого фонда. Недавние жители фабричных окраин не умели пользоваться лифтами и ванными комнатами, им казались абсолютно бесполезными ковры на лестницах и хромированные детали на дверях, дворники и консержки. Дискомфорт в непривычной обстановке новые жильцы компенсировали привычными для них способами «релаксации». В январе 1921 г., следуя принципам уравнительного распределения, советская власть полностью отменила квартплату и оплату коммунальных услуг. Отсутствие средств еще более ускорило разрушение жилищного фонда в городах.

Экономическая разруха и ликвидация прежней системы управления страной и привели к обострению многих социальных проблем: росту преступности, безработице, детской беспризорности, пьянству и проституции. Революционные перемены в обществе не могли не отразиться на семейной

жизни. Даже такая интимная сфера человеческих отношений, как отношения между мужчиной и женщиной, изменилась до предела. Новые формы брачно-семейных отношений были определены декретами СНК «О расторжении брака» (16 декабря 1917 г.) и «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» (18 декабря 1917 г.). Секуляризация семьи предполагала изъятие у церкви традиционных для дореволюционной повседневной жизни функций: венчания, крещения, погребения усопших. Документы, выданные религиозными организациями, считались недействительными. Новая власть предоставила женщине свободу не только в вопросах управления государством, но и в интимной сфере. Эксперименты увлекли в первую очередь молодежь, которая восприняла революцию как освобождение. В их системе представлений о новых формах человеческих отношений, основанных на коллективизме и общежитии, традиционный парный брак представлялся архаичным. Вызов традициям привел к резкому росту разводов, аборт и незаконнорожденных детей.

Стратегии поведения рядовых граждан в послереволюционные годы были обусловлены множеством причин, однако ключевую роль играли причины экономического характера. В повседневной жизни «маленького человека» активизировались поиски способов выживания. «Вживание в катастрофу превращалось в перманентный процесс, желание выжить – в ключевой момент деятельности. Люди чутко прислушивались к любому повороту во внутренней политике, мгновенно и по-своему реагировали на изменения внешнеполитической ситуации» [1, с. 561]. Повседневные практики выживания зависели от степени лояльности к советской власти. Доминировали настроения, которые можно сформулировать фразой: «Кто бы пришел да ослобонил от большевиков». Особенно антибольшевистские настроения проявлялись в деревне. Из выступления Г.Е. Зиновьева на VIII съезде партии: «...местами слово «комиссар» стало бранным, ненавистным словом. Человек в кожаной куртке... в народе стал ненавистным» [3, с. 424]. Введение продовольственной диктатуры, силовые методы реализации непосильных норм хлебозаготовок по продразверстке, попытки раскола деревни через действия комбедов превратили политику советской власти в деревне в вооруженную «борьбу за хлеб». К 1921 г. в стране полыхало более 50 крупных крестьянских восстаний, одно из самых массовых – в Тамбовской губернии [8, с. 112].

Протестные настроения рабочих выражались в трудовых конфликтах: опоздании или невыходе на работу; высказываниях, имеющих политическую окраску. Массовым явлением стали кражи на предприятиях. Привлекательным для «несунов» был ленинский призыв «Грабь награбленное». Несомненно, прежде всего на воровство рабочих толкало тяжелое материальное положение: зарплаты, особенно первых разрядов, были очень низкими. В декабре 1921 г. рабочий в Петрограде в среднем получал 839 тыс. рублей, тогда как стоимость минимального бюджетного набора составляла 1173,4 тыс. рублей [9, с. 74]. В данной ситуации соблазн поправить свое материальное положение

ние за счет родного завода был велик. Тем более, что массы не воспринимали государственное имущество как «свое».

Грешили даже представители политического авангарда и совпартслужащие. Чем меньше легальная зарплата, тем больше были сомнительные доходы. Не помогала и угроза уголовной ответственности для «состоящих на государственной службе», заложенная в декрете СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве». Взяточник оправдывал свои действия тем, что «все берут» [10, с. 27].

Искусство выживания привело к беспрецедентному расцвету таких аномальных явлений, как спекуляция и «мешочничество». Декретом СНК «О спекуляции» от 22 июля 1918 г. устанавливалась судебная ответственность «за скупку, сбыт или хранение с целью сбыта в виде промысла монополизированных государством продуктов питания, нормированных товаров, драгоценных металлов и ценных бумаг». Мерами наказания были принудительные работы, конфискация всего имущества, лишение свободы до 5 лет, а «виноватые в неразрешенных законом скупке, сбыте или хранении платины или серебра, или золота в сыром виде, в слитках или в монете» – до 10 лет с конфискацией [11, с. 68]. Однако даже эти грозные санкции не могли предотвратить такого «массового общественного движения как мешочничество, в котором в 1918 г. участвовало до четверти взрослого трудоспособного населения страны; другая четверть занята была «вялым, режимным трудом на предприятиях, а оставшаяся половина служила в канцеляриях» [12, с. 96]. Мешочничество было вариантом самоснабжения в условиях национализации, гиперинфляции, запрета свободной легальной торговли. Востребована в повседневной практике была также контрабанда. Например, некоторые жители приграничного в те годы г. Орши Могилевской губернии, играя на повышении и понижении цен, стали заниматься снабжением внутреннего российского рынка «тканями, мылом, вязаными изделиями, сахаром... Фактически Орша диктовала цены на немецкий, польский, украинский сахар, кофе, анилиновые красители и австрийские кремни для зажигалок для большей части территории Советской России» [11, с. 70].

Реальная жизнь раннесоветского общества продемонстрировала способность рядового человека к выживанию в самых сложных условиях. Жизненный опыт, выработанный и апробированный в годы революции и Гражданской войны, был неоднократно востребован в другие периоды жизни в СССР.

Список использованной литературы

1. Нарский, И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. / И.В.Нарский. – М.: РОССПЭН, 2001. – 623 с.
2. История России XX- начала XXI века: учебн. пособие / под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо. 2010. 960 с.

3. Долуцкий, И.И., Ворожейкина, Т.Е. Политические системы в России и СССР в XX веке / И.И. Долуцкий, Т.Е. Ворожейкина. М.: КДУ. 2008. 440 с.
4. Революция и человек: быт, нравы, поведение: сб. статей / ред. П. Волобуев. М.: ИРИ РАН. 1997. 223 с.
5. Павлюченков, С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы / С.А. Павлюченков. М.: РКП-История. 1997. 270 с.
6. Россия. XX век / Сост. В. Гликберг, А. Мещеряков. М.: Интерросса. 2007. 351 с.
7. Поляков, Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население / Ю.А. Поляков. М.: Наука. 1986. 270 с.
8. Трошина, Т.Г. Крестьянские настроения периода «военного коммунизма» / Т.Г. Трошина // Вопросы истории. 2011. № 2. С. 99-104.
9. Ульянова, С. «Несуны» в законе. Кражи на предприятиях в 1920-е годы / С. Ульянова // Родина. 2001. № 10. С. 74-76.
10. Маркосян, Г.М. Взятничество в России в начале 1920-х гг. / Г.М. Маркосян // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 27-31.
11. Колпаниди, А. КГБ: Энциклопедия спецслужб / А. Колпаниди. М.: Яуза: Эксмо. 2010. 784 с.
12. Давыдов, А.Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917-1921 гг. / А.Ю. Давыдов. СПб: Алетейя. 2007. 370 с.

**ПОСТ И ПИЩЕВЫЕ ЗАПРЕТЫ У РУССКИХ
САЯНО-АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX–XX ВВ.
FASTING AND FORBIDDEN FOOD OF THE RUSSIANS IN THE
ALTAI-SAYAN REGION IN THE END OF 19 – 20 CENTURY.**

Гавриленко Мария Витальевна,
Новосибирск, Россия

Ключевые слова: старообрядцы, пост, пищевые запреты, религия, Саяно-Алтай, традиции.

Резюме. Среди религиозных правил, связанных с питанием среди и старообрядческого населения Саяно-Алтая пост является наиболее устойчивой традицией. Запреты на употребление отдельных продуктов питания в настоящее время наиболее устойчиво сохраняются среди старообрядцев Верховья Енисея. Старообрядцы Уймонской долины, проживая на пересечении одного из самых популярных туристических маршрутов Горного Алтая, более подвержены культурным модификациям, чем старообрядцы Верховья Енисея.

Keywords: old believers, fasting, forbidden food, food, religion, the Altai-Sayan region, traditions

Summary. Fasting is the most important tradition among other religious canons of the Russians in the Altai-Sayan region. The food prescriptions have still existing among the old believers of the Upper Yenisei. The old believers of the